
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Е.А. Губина*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону**elena_gubina@mail.ru*

**КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ПУНКТУАЦИОННЫХ НОРМ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ РАСЧЛЕНЕНИЯ И СЛИЯНИЯ
В ТЕКСТАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

**[Gubina E. Contextual violations of punctuation rules as a way to
create partition and fusion in non-classical paradigm texts
(based on Russian and English fiction)]**

The paper offers an analytical study of contextual violations in the perspective of their role in creating syntactical partition and fusion in non-classical paradigm Russian and English fiction (avant-garde, modernism, post-modernism literature). Contextual violations of the punctuation norm fall into four categories: 1) transformations based on the "sign -no sign" correlation; 2) transformations based on "stronger sign – weaker sign" correlation; 3) mutual replacement of the signs which perform different functions in the standard use, and; 4) non-standard combination of signs which is not justified by the punctuation norm. The analysis of the examples listed in the paper confirms that punctuation can be treated as an independent factor in creating syntactical partition and fusion, which does not depend on syntactical transformations in the structure of an utterance.

Key words: punctuation, language norm, syntactical partition, syntactical fusion, non-classical syntax.

Яркие и активные эксперименты с языком, которыми отмечена художественная литература XX века, нуждаются в осмыслении с самых различных точек зрения. Мы рассмотрим реализацию установок авангардного, модернистского и постмодернистского литературно-художественного творчества на материале пунктуационного оформления текста. Анализ осуществляется в контексте представлений о языковой норме, что позволяет рассматривать пунктуационные новации текстов неклассической парадигмы как отклонения от правил и стандартов, устанавливаемых нормативной пунктуацией.

Для текстов неклассической парадигмы, стремящихся отрицать основополагающие принципы классической культуры, то есть иерархию и порядок, характерны синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние. Синтаксическое расчленение реализуется в виде таких явлений: парцелляция, неграмматическое обособление, сегментация, синтаксическая неполнота, широкое использование вставных конструкций; синтаксическое слияние проявляется в утрате границ между различными субъектными сферами в конструкциях с прямой речью, замене сильных связей более слабыми, широкое использование бессоюзной связи вместо сочинительной и подчинительной, отсутствии пунктуационного оформления у текстов. Эта совокупность синтаксических признаков позволяет противопоставить авангардные, модернистские, постмодернистские (неклассические) тексты текстам реалистическим (классическим), в которых наиболее полное воплощение находят принципы синтагматической прозы, предполагающие явное выражение синтаксической иерархии посредством подчинительной и сочинительной связей, союзов и союзных слов, вводных слов, отражающих логические связи между компонентами текста [7]. Синтаксическое расчленение целесообразно интерпретировать как повышение дискретности текста, а синтаксическое слияние – как повышение его континуальности [1].

Однако при изучении указанных аспектов текстов неклассической парадигмы исследователи опирались преимущественно на синтаксические средства их реализации, тогда как анализ пунктуационного оформления текста либо вообще не проводился, либо использовался в качестве вспомогательного, побочного инструмента. При этом представляется очевидным, что пунктуация типично передает именно синтаксическую структуру текста, а потому не существует в отрыве от синтаксиса. В связи с задачами данной работы важным является, что пунктуация ориентирована на иерархическое структурирование текста, а потому может рассматриваться как «инструмент» классической парадигмы культуры. И хотя далеко не всегда синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние создаются пунктуационными средствами, пунктуация может играть ведущую роль в создании синтаксической расчлененности/слитности, то есть ненормативное пунктуационное оформление текста иногда оказывается основным и единственным средством создания этих эффектов [4].

В результате анализа контекстуальных нарушений норм пунктуационного оформления текста выделено четыре типичных способа создания синтаксического расчленения и синтаксического слияния пунктуационными средствами: 1) трансформации, связанные с корреляцией «знак – отсутствие знака»; 2) трансформации, связанные с корреляцией «сильный знак – слабый знак»; 3) взаимная замена разнофункциональных знаков; 4) использование сочетаний знаков, не предусмотренных пунктуационной нормой.

1. Корреляция «знак – отсутствие знака» охватывает два случая, противоположных по своей направленности. Во-первых, это использование знака в позиции, где он не предусмотрен нормами пунктуации, во-вторых, это отказ от знака препинания в позиции, где он необходим. Первый случай создает дополнительную расчлененность текста, второй, наоборот, снижает уровень его естественной (нормативной) расчлененности, формируя тем самым явления синтаксического слияния.

В позиции, где знак не требуется, может использоваться любой знак препинания: запятая (неграмматическое обособление), точка (парцелляция), а также менее стандартные знаки: тире, двоеточие, точка с запятой. Рассмотрим использование в этой функции тире.

Нормативная русская пунктуация не предполагает постановки знака препинания между подлежащим и сказуемым, если последнее выражено личной формой глагола, а постановка тире придает высказыванию дополнительную расчлененность: *Тачки, палатки, земля, Увек, река, дали – блестели, горели, светились знойными лоскутьями* [6, с. 99]; *грядущее, полное велосипедов и велонасылающих, – грядет* [10, с. 71]. Такой же эффект возникает, когда тире разбивает другие цельные синтаксические группы, например, сочетание глагола и прямого дополнения: *Княгиня надевает шляпу-«капот» и с Марфушей и Ксенией идет на базар с узлами, **продавать** – те старинные **платья**, что остались от бабушек* [6, с. 67]. Необходимо обратить внимание, что в последнем примере обнаруживается ненормативное использование запятой, отделяющей личную форму глагола от примыкающего инфинитива (*идет продавать*). Такое использование запятой, которое традиционно осмысливается как неграмматическое обособление, также является частным случаем корреляции «знак – отсутствие знака». Ср. следующий пример: *With his suitcase in his hand, he walked up Market Street from the dock* [13, p. 86].

Тире нередко ставится внутри сложноподчиненных предложений, и этот прием, в отличие от рассмотренных выше, чрезвычайно характерен для английских текстов: *...both of them looked at the dunes far away, and instead of merriment felt come over them some sadness – because the thing was completed partly...* [17, p. 15]. В данном случае необходимо учитывать, что подобная пунктуация в русском тексте рассматривалась бы как использование более сильного знака вместо более слабого (см. п. 2 данной статьи). С точки зрения английской пунктуации, это случай корреляции «знак – отсутствие знака», поскольку отделение главного предложения от придаточного для английской пунктуации является исключением, а не правилом.

В некоторых случаях, характеризующихся особенно повышенной расчлененностью, тире появляется в нескольких нетипичных позициях в рамках одной конструкции. В следующем примере тире отделяет обстоятельство места от состава предложения, подлежащее от сказуемого и прямые дополнения от сказуемого: *А в клубе – Ариша же Рытова и другие красавицы – с утра варили, пекли, жарили – пирожки, крупеники, коржики, баранину, тянучки* [6, с. 218]. Подобные конструкции нельзя интерпретировать как двойное тире в выделительной функции, поскольку ни один из сегментов, возникающих вследствие такого использования тире не может быть удален. Последнее возможно, например, в случае вставной конструкции, грамматически связанной с предложением: *When she mused – in those floods and rivers when she was high – it was about what drugs were capable of, what desire was capable of, so uncontrolled it was illegible* [15, p. 118]. В данном примере вставная конструкция, выделяемая при помощи двойного тире, представлена обстоятельством, от которого зависит придаточное предложение.

Очевидным проявлением отсутствия знаков препинания там, где они необходимы, является непунктуированный текст, который чрезвычайно характерен для текстов неклассической парадигмы. Однако данное явление, как правило, носит системный характер, то есть свойственно не отдельной синтаксической конструкции, а целому тексту, и должно рассматриваться как «усечение» пунктуационной системы, то есть трансформация, которая затрагивает текст в целом и заключается в уменьшении количества значимых пунктуационных элементов [3].

Проявления синтаксического слияния, которые воплощались бы как отсутствие знака в конкретном контексте и не носили бы систематического характера, в исследованном материале встречаются гораздо реже, чем наличие знака в позиции, где он нормативно не требуется. Однако случаи спорадического единичного отсутствия знаков препинания все-таки встречаются: *С начала лета мы на новой квартире – на Троицкой. И низко и вода есть и электричество горит* [9, с. 353]. В следующем примере контекстуальный отказ от знаков препинания между повторяющимися компонентами предложения позволяет подчеркнуть бесконечность подразумеваемого ряда: *...five hundred twelve women – English, Welsh, Bavarian, Swiss – of every class and character, received into themselves the penises the intromittent organs of five hundred twelve men, ditto, in every circumstance and posture, to conceive the five hundred twelve ancestors of the two hundred fifty-six ancestors of the et cetera et cetera et cetera et cetera et cetera et cetera et cetera of the author, of the narrator, of this story*, Lost in the Funhouse [11, p. 1023].

2. Второе средство формирования расчленения и слияния текста связано с взаимной заменой знаков, которые различаются с точки зрения их «силы». При этом «сила» знака должна определяться исходя из таких критериев, как способность/неспособность знака выступать в финальной позиции, возможность использовать знак для разделения предложений и/или внутри предложения, а также специфика функциональной нагрузки, которая позволяет разделить знаки на более общие и в силу этого частотные (запятая) и более функционально определенные (двоеточие, тире, точка с запятой и т.п.).

Отличие корреляции «более сильный знак – более слабый знак» от корреляции «знак – отсутствие знака» заключается в том, что в первом случае пунктуационная норма требует постановки знака в рассматриваемой позиции, но реально используемый знак отличается от знака, предписываемого нормой.

Корреляция «более сильный знак – более слабый знак» также имеет два варианта реализации. Использование более сильного знака в позиции, где естественно ожидать более слабого знака, целесообразно интерпретировать как форму синтаксического расчленения, использование более слабого знака вместо более сильного – как форму синтаксического слияния.

Характерным примером может служить следующий пример из авторского перевода на русский язык романа «Лолита» В. Набокова: *Вы будете смеяться*

– но если сказать всю правду, мне как-то никогда не удалось в точности объяснить юридическую сторону положения [5, с. 252]. Поскольку это русский текст, тире в данном случае следует трактовать как использование более сильного знака вместо более слабого, ведь в соответствии с нормами русской пунктуации постановка запятой перед союзом *но* является обязательной; тире в той же позиции используется и в английском тексте, однако нормативная пунктуация английского языка в этом случае предписывает отсутствие знака. Как использование более сильного знака вместо более слабого необходимо интерпретировать также следующие примеры: *Ольга была в шубе и в валенках и – как много уже дней – жалась к печи, устав думать и устав читать* [6: 185] (сравнительный оборот выделяется не нормативными запятыми, а тире); *...for in all the hat shops and tailors' shops strangers looked at each other and **thought of the dead; of the flag; of Empire*** [16, p. 16] (однородные члены предложения отделяются друг от друга точкой с запятой, а не запятыми, что придает отдельным компонентам однородного ряда большую самостоятельность).

Что касается использования более слабых знаков вместо более сильных, то довольно характерным примером является пунктуация романа С. Беккета «Unnamable», в котором встречаются чрезвычайно длинные последовательности из фрагментарных, «элементарных» синтаксических структур (своего рода «синтаксических атомов»), соединенных только запятыми: *...the breath fails, if only there were a thing, but there it is, there is not, they took away things when they departed, they took away nature, there was never anyone, anyone but me, anything but me, talking to me of me, impossible to stop, impossible to go on, but I must go on, I'll go on, without anyone, without anything, but me, but my voice, that is to say I'll stop, I'll end, it's the end already, short-lived, what is it, a little hole, you go down into it, into the silence, it's worse than the noise, you listen, it's worse than talking, no, not worse, no worse, you wait, in anguish, have they forgotten me, no, yes, no, someone calls me, I crawl out again, what is it, a little hole, in the wilderness...* [12, p. 388].

Единичная запятая обычно не только отделяет одно предложение от другого, но и соединяет предложения, указывая на их смысловую связь; ее наличие побуждает читателя ожидать продолжения, сигнализирует, что мысль не закончена, ведь запятая не может выполнять функцию финального знака. В силу простоты синтаксических структур, соединяемых в рамках одного

предложения в романе С. Беккета, а также почти полного отсутствия грамматических связей между смежными сегментами, каждый из сегментов довольно легко отделяется от остальных. Но последовательное использование запятой как бы уравнивает эти сегменты, вследствие чего речь превращается в слаборасчлененный поток, состоящий из последовательности синтаксически (и иерархически) равноправных сегментов.

При этом данный прием нельзя интерпретировать как «усечение» пунктуационной системы, поскольку такое пунктуационное оформление не является однородным на протяжении всего романа, то есть не может рассматриваться как свойство пунктуационной системы текста. Хотя в начальной части романа синтаксическая структура текста также характеризуется и неполнотой, и фрагментарностью, и простотой сегментов текста, подобные ряды сегментов гораздо чаще разделяются точками, вследствие чего текст имеет более традиционную и привычную пунктуационную организацию.

Ярким примером реализации этого принципа является также фрагмент из романа А. Гольдштейна «Спокойные поля»: *Зуб выпал небольно, выштался по-стариковски из лунки, Пушкин холоден, отстранен, усердствует к совершенству, то есть к надменной безошибочной сжатости, а совершенства ли добиваться поэту, Кукольник, согрешающий против русского слова и драматической формы, теплей, утешительней, женитьба, чтоб напоследок прижаться, поспеть к теплоте, к детному вздутному чреву, к рыхловатой груди под рубашкой* [2]. Прежде всего, с точки зрения пунктуационной нормы некоторые части предложения в приведенном фрагменте было бы целесообразно разделить при помощи точек с запятой, для чего имеются основания формальные (наличие запятых внутри предложений) и смысловые (предложения далеко не всегда связаны между собой по смыслу). Наличие смыслового противопоставления между компонентами, содержащими суждения о Пушкине и Кукольнике (видимо, имеется в виду поэт и драматург П. В. Кукольник), дает основания для использования между ними тире. Однако в тексте между этими компонентами имеется вопросительное предложение *а совершенства ли добиваться поэту* (о чем свидетельствует наличие частицы *ли*). Возможно, с точки зрения нормативной пунктуации было бы оптимальным заключение этого фрагмента в скобки: *...Пушкин холоден, отстранен, усердствует к совершенству, то есть к надменной безошибочной сжатости (а совер-*

шенства ли добиваться поэту?), – *Кукольник, согрешающий против русского слова и драматической формы, теплей, утешительней*. Вариант пунктуационного оформления, избираемый А. Гольдштейном, не способствует точной передаче смысловой и грамматической структуры высказывания, что создает эффект, аналогичный тому, который наблюдается в процитированном ранее романе С. Беккета, а именно слабую расчлененность речевого потока.

3. В текстах неклассической парадигмы встречается нестандартное применение знаков препинания, когда используемый знак появляется в позиции, где знак необходим, но его функция не соответствует ожидаемой. Так, в следующем примере двоеточие выступает на месте тире: *Что-то крикнул дозорный наверху, а потом: костры голодающих, шпалы, обрывок песни голодных и вода Вологи* [6, с. 84]. С нормативной точки зрения в неполном предложении следует использовать тире, а в приведенном примере опускается глагол-связка (*а потом [были] костры голодающих, шпалы, обрывок песни голодных и вода Вологи*). Отчасти использование двоеточия можно мотивировать тем, что после наречия следует перечень, а само наречие, не будучи обобщающим словом, как бы берет на себя его функции. Тем не менее, данное употребление двоеточия не соответствует нормативному использованию знаков препинания.

С другой стороны, тире может использоваться в позиции, где следовало бы ожидать двоеточия, ср.: *А там, от красного флигеля до самого белого дома, вдоль двора фабричные корпуса – спальни, дрова и амбары* [8, с. 31]. В данном случае обобщающее слово (*корпуса*) отделяется от следующего за ним ряда однородных членов (*спальни, дрова и амбары*) при помощи тире, хотя с точки зрения пунктуационной нормы такие структуры следует оформлять двоеточием.

С первого взгляда может показаться, что из-за замены знаков препинания, которые различаются не силой, а только функцией, пунктуационная дискретность текста не изменяется. Однако это не так. Особенность подобных примеров заключается в том, что использование знака препинания в нетипичной для него позиции приводит к размыванию функциональной нагрузки данного знака, к утрате знаком свойственной ему определенности. В силу этого такие случаи целесообразно интерпретировать как проявление синтаксического слияния, то есть пусть не сильного, но снижения пунктуационной дискретно-

сти текста. Ведь пунктуационная расчлененность текста создается не только наличием знаков и не только различием в силе знаков, но и четкой, однозначной дифференциацией функций, выполняемых знаками препинания.

4. Наконец, существует еще одно пунктуационное средство, которое усиливает расчлененность текста, – сочетание двух знаков препинания, которое не мотивировано пунктуационными правилами или даже невозможно с точки зрения норм пунктуации.

Например, в произведениях Б. Пильняка довольно часто встречается сочетание двоеточия и тире, ср.: *Архип Иванович повернулся, встретились две пары темных глаз: – одни хмурые, больные, с блестящими широкими зрачками, на пергаментном лице, – другие молодые, упорные, вольные* [6, с. 55]. Этот пример можно было бы интерпретировать как несколько модифицированный (благодаря отсутствию абзацных отступов) перечень, элементы которого выделяются тире. Однако, как показывает языковой материал, Б. Пильняк использует сочетание двоеточия и тире в иных синтаксических контекстах. Так, в следующем примере, несмотря на наличие контекста перечисления, используется только одно тире: *И внизу рвет динамит: – первый, второй, третий* [6, с. 158]. В других случаях это сочетание вообще используется вне контекста перечисления: *И наверху – всем троим, механику и запальщикам, первому и второму: – захотелось – выпить!* [6, с. 83]. В последнем примере сочетание двоеточия и тире разделяет сложное словосочетание *первому и второму захотелось*, компоненты которого связаны сильной связью. Сочетание двоеточия и тире встречается в творчестве Г. Мелвилла: *...an interesting and somewhat singular set of men, of whom as yet nothing that I know of has ever been written:– I mean the law-copyists* [14, p. 3]; *say now that in a day or two you will begin to be a little reasonable:– say so, Bartleby* [14, p. 20]; *In vain I persisted that Bartleby was nothing to me – no more than to any one else. In vain: – I was the last person known to have any thing to do with him, and they held me to the terrible account* [14, p. 30].

Подобные сочетания заметно усиливают дискретность, расчлененность текста. Во-первых, это происходит в силу стечения двух знаков препинания, в результате чего отделяющие функции данных знаков как бы складываются, суммируются. Во-вторых, само по себе такое сочетание знаков является необычным, поскольку не соответствует нормам, регламентирующим употребление соединяемых знаков.

Таким образом, контекстуальные нарушения норм пунктуационного оформления текста сами по себе могут играть важную роль в создании таких явлений, как синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние. Эффект от таких трансформаций правил использования пунктуационных знаков обладает яркими экспрессивными возможностями, поскольку любое нарушение воспринимается на фоне нормативной пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вердеш А.А.* Синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние как частные проявления дискретности и континуальности в языке и речи // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2.
2. *Гольдштейн А.* Два фрагмента из романа «Спокойные поля» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/go16.html> (дата обращения: 01.06.2016).
3. *Губина Е.А.* «Усечение» и «расширение» пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 2.
4. *Губина Е.А.* Роль пунктуации в создании синтаксического расчленения и слияния (на материале русских и английских текстов неклассической парадигмы) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85).
5. *Набоков В.В.* Лолита. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
6. *Пильняк Б.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Голый год: Роман: Повести; Рассказы. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2003.
7. *Покровская Е.А.* Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2001.
8. *Ремизов А.А.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Пруд: Роман. М.: «Русская книга», 2000.
9. *Ремизов А.А.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. Взвихренная Русь. М.: «Русская книга», 2000.
10. *Соколов С.* Школа для дураков. Между собакой и волком. М.: «Огонек-Вариант», 1990.

11. *Barth J.* Lost in the Funhouse // The Story and Its Writer / Ed. by Ann Charters. N. Y.: St. Martin's Press, 1987.
12. *Beckett S.* The Unnamable // Beckett S. Three Novels: Molloy, Malone Dies, The Unnamable. N.Y.: Grove Press, 2009.
13. *Dos Passos J.* U.S.A. N. Y.: The Modern Library, 1939.
14. Melville H. Bartleby The Scrivener // Melville H. Billy Budd & Other Stories. Wordsworth Editions, 1998.
15. *Ondaatje M.* Divisadero. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2007.
16. *Woolf V.* Mrs. Dalloway. L.: Alma Classics, 2012.
17. *Woolf V.* To the lighthouse. Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2002.

REFERENCES

1. *Verdesh A.A.* Syntactical partition and fusion as particular examples of discretion and contextuality in language and speech // Humanities and Socio-economic sciences. 2015. No 2.
2. *Goldshtein A.* Two extracts from novel "Quiet fields" // New Literary Review. 2006. No 81 [Online resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/go16.html> (accessed date: 01.06.2016).
3. *Gubina E.A.* «Reducing» and «expanding» the punctuation system in non-classical paradigm texts// Philological sciences. The issues of theory and practice. 2016. No 5 (59). Part. 2.
4. *Gubina E.A.* The role of punctuation in creating syntactical partition and fusion (based on Russian and English non-classical paradigm texts) // Scientific Thought of the Caucasus. 2016. No 1 (85).
5. *Nabokov B.B.* Lolita. Saint-Petersberg.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012.
6. *Pilnyak B.* Collected works: in 6 volumes. Vol. 1: Naked Year: Novel: Narratives; Stories. Moscow: TERRA Book Club, 2003.
7. *Pokrovskaya E.A.* Russian syntax in the XX century: Linguistic - cultural analysis. Rostov-on-Don: Rostov University's Publishing House, 2001.
8. *Remizov A.A.* Collected works in ten volumes. Vol. 1. Pond: Novel. Moscow.: «Russkaya kniga», 2000.

9. *Remizov A.A.* Collected works in ten volumes. Vol. 5. Toused Rus. Moscow.: «Russkaya kniga», 2000.
10. *Sokolov S.* School for fools. Between the dog and the wolf. Moscow.: «Ogonyok-variant», 1990.
11. *Barth J.* Lost in the Funhouse // The Story and Its Writer / Ed. by Ann Charters. N. Y.: St. Martin's Press, 1987.
12. *Beckett S.* The Unnamable // Beckett S. Three Novels: Molloy, Malone Dies, The Unnamable. N.Y.: Grove Press, 2009.
13. *Dos Passos J.* U.S.A. N. Y.: The Modern Library, 1939.
14. *Melville H.* Bartleby The Scrivener // Melville H. Billy Budd & Other Stories. Wordsworth Editions, 1998.
15. *Ondaatje M.* Divisadero. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2007.
16. *Woolf V.* Mrs. Dalloway. L.: Alma Classics, 2012.
17. *Woolf V.* To the lighthouse. Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2002.

14 октября 2016 г.
